

Лю Таньчжи тридцать четыре года. У неё утончённая фигура и довольно приятное лицо.

Окончив факультет иностранных языков Университета А в двадцать два года, она не смогла поступить в магистратуру по специальности и предпочла остаться в родном вузе на административной должности. Проработав всего год, она сошлась с Ли Байшоу, который в то время был доцентом Института биотехнологий, и спустя пять месяцев вышла за него замуж.

Благодаря поддержке мужа она продвигалась по службе быстрее всех выпускников своего потока. Сначала её перевели из учебного отдела в международный департамент, а затем оттуда — на кафедру природопользования и охраны окружающей среды того же Института биотехнологий, где женщина заняла пост начальника учебного отдела.

Такой карьерный путь выглядел по меньшей мере странно. Международный департамент Университета А считался местом престижным и спокойным — работа там была непыльной: обработка документов по студенческим обменам и заявок на обучение за рубежом, тишина в кабинетах и никакого лишнего стресса. Хотя вакансий для повышения там было немного, на Лю Таньчжи это вряд ли бы отразилось.

Должность же начальника учебного отдела подразумевала бесконечную суету. Здесь было не до размеренного чаепития в ожидании студентов, пришедших за справками. Ей приходилось разбираться с самыми разными конфликтами и помогать профессорам улаживать споры с особо придирчивыми родителями.

Тогда все решили, что она променяла уютное кресло в международном отделе на хлопотную работу на биофаке лишь ради того, чтобы быть ближе к Ли Байшоу. Ведь тот был настолько погружён в свои исследования, что почти не бывал дома. Лю Таньчжи никак не комментировала эти слухи, работала добросовестно и старалась не привлекать к себе лишнего внимания.

Впрочем, регистрация тех самых медиаресурсов в то время была паре не совсем по карману — если только у них не имелось скрытых источников дохода. Но сейчас эти аккаунты уже начали приносить прибыль: за рекламное продвижение товаров они брали от трёх до десяти тысяч. Суммарно набегал внушительный доход, и по логике вещей Лю Таньчжи могла бы давно уволиться из университета и посвятить всё время управлению своими ресурсами, ведя жизнь состоятельной дамы.

— Я смог разузнать не так уж много, — раздался в трубке приглушённый голос Цзянь Фу. — Если бы недавний скандал не привлёк внимание служб Первого района, на такую мелкую сошку, как она, даже досье не стали бы заводить.

— Под чьим аккаунтом ты заходил в систему? — спросил Цэнь Сяо.

— Через одного техника. У них ведь общая сеть... Эх, сейчас гайки закрутили туго. Если бы меня не зачислили по спецнабору на стажировку, он бы мне ничего не показал.

Цэнь Сяо на мгновение замолчал.

— Внутренняя сеть общая, но права доступа у всех разные.

Обычный техник может получить лишь базовую личную информацию. Если бы Первый район «Ланьшу» заподозрил, что за медиа-аккаунтами Лю Таньчжи стоит влияние «Хунсо», записи были бы куда подробнее. Скорее всего, большая часть данных скрыта под более высоким уровнем доступа, который открыт только руководству.

— Ты прав, — согласился Цзянь Фу. — Но я не смею говорить об этом родителям. Боюсь, они решат, что стабильность системы важнее, понимаешь?

В глазах его родителей безопасность района всегда была на первом месте. То, что пытается раскопать Ли Жун и что на самом деле случилось с Ли Цинли, их не касалось. Если Цзянь Фу решит влезть в это мутное дело, родители наверняка станут для него помехой.

Цзи Сяочуань сидела, ссутулившись, прижимаясь грудью к краю стола. Спрятав одну руку под стол, она другой неуверенно сжимала палочки, пытаясь подцепить ядро арахиса. Часто моргая, девушка отправила его в рот и неразборчиво спросила:

— Работодатель моей мамы... он плохой человек?

Ли Жун, погружённый в раздумья после слов Цзянь Фу, всё это время не притрагивался к еде. Услышав вопрос, он поднял взгляд:

— Ты сказала, Ли Байшоу и его жена запрещают заходить в другие комнаты, кроме кухни?

Цзи Сяочуань нахмурилась, пытаясь восстановить события в памяти. Её мать возвращалась с работы настолько измотанной и раздражённой, что у неё не было сил на душевные разговоры. Всё, что знала Сяочуань, она выхватывала из обрывков фраз, когда та срывалась на крик.

— Однажды мама была у них... готовила обед. В одной из комнат, кажется, лопнула труба, вода начала сочиться из-под двери. Профессора Ли и его супруги дома не было. Мама испугалась, что в комнате лежат вещи, которые нельзя мочить, и позвала знакомого слесаря. А ещё позвонила его жене.

Девушка замялась, вспоминая детали.

— Жена профессора, как только узнала, что мама позвала постороннего, начала орать... крыть

её последними словами. Хотя мама с тем дядей даже дверь открыть не смогли. Но хозяйка кричала, что мама нарушила её частную жизнь. Мало того что выгнать хотела, так ещё и грозились в суд подать... В итоге маме пришлось терпеть ради зарплаты, она извинялась перед ней. Но когда вернулась домой...

Цзи Сяочуань замолчала и опустила голову, медленно разжёвывая арахис. Продолжение было очевидным: дома ничего хорошего не случилось.

Мать хотела как лучше — боялась, что вода испортит ценности, переживала за счета, сама нашла мастера. А в ответ получила лишь оскорбления и угрозы. Любой в такой ситуации почувствовал бы себя униженным и озлобленным, но необходимость держаться за высокую зарплату заставляла глотать обиды. Когда чаша терпения переполнялась, гнев выплёскивался на того, кто слабее, кто не мог ответить или сбежать — на собственного ребёнка. Ведь все эти страдания были ради неё, ради дома... А значит, насилие над невинной дочерью казалось матери вполне оправданным актом справедливости.

Ли Жун мысленно вздохнул. Раньше он считал своих родителей, Ли Цинли и Гу Нун, неким эталоном, но чем больше людей он встречал, тем яснее понимал: не все они такие, как его.

В комнате Лю Таньчжи определённо хранилось нечто важное, что она оберегала от любых посторонних глаз. Но имеет ли это отношение к делу его родителей — вопрос оставался открытым.

— Значит, Ли Байшоу и его жена не ладят? Постоянно ссорятся? — уточнил Ли Жун.

— Мама говорила, что они... живут порознь, — ответила Цзи Сяочуань. — Спят в разных комнатах, всё к разводу идёт. О, профессор вообще редко появляется, а вот жена его приходит каждый день. Мама в основном для неё готовит. Она очень следит за здоровьем, не ест ничего покупного.

Ли Жун попытался вспомнить прошлую жизнь. Научная работа — дело тяжёлое и монотонное, поэтому любые сплетни служили коллегам способом отвлечься от стресса. В офисах вечно обсуждали, кто с кем сошёлся, кто развёлся, кто завёл любовницу или тайно заглядывается на стримерш. Юноша не любил слушать подобное, но, вращаясь в этой среде, волей-неволей впитывал всякую чушь.

В то время Ли Байшоу уже занимал значимое положение в институте «Хунсо», находясь в самом центре событий. На его научную компетентность жаловались часто, но о его личной жизни не было ни единого слуха. Лю Таньчжи оставалась тенью, неприметной женщиной, которая якобы посвятила себя поддержке карьеры мужа, тихо работая на кафедре экологии. Ли Жун ни разу не слышал о разладе в их семье, тем более о разводе.

Как и результаты расследования Цзянь Фу, поведение Лю Таньчжи в его воспоминаниях было невероятно скрытным. Казалось бы, имея мужа-профессора в «Хунсо», она могла бы чувствовать себя куда увереннее сверстниц, но она предпочитала не хвастаться и не

высовываться, словно мечтая вовсе исчезнуть из поля зрения окружающих.

И в то же время эта «тихоня» за спиной у всех управляла сетью медиаресурсов, владела долей влияния в интернете, не только продвигая сомнительные товары, но и раздувая слухи вокруг горячих тем.

Цэнь Сяо налил чашку тёплого чая и протянул Ли Жуну. Прозрачный напиток источал едва уловимый сладкий аромат и приятное тепло.

— Если бы мы не узнали об этом от Цзи Сяочуань, мы могли бы пойти по ложному следу.

Ли Жун опустил взгляд, обхватив чашку ладонями, чтобы согреть кончики пальцев.

«И это правда»

Будь то расследование Первого района или его собственные впечатления из прошлой жизни, всё указывало на то, что Лю Таньчжи и Ли Байшоу — единое целое. Казалось естественным, что любые козни женщины против Ли Цинли были лишь способом расчистить дорогу мужу.

— Используя своё имя для инвестиций в «Фэнгуан Вэньхуа» и управляя этими аккаунтами, Лю Таньчжи не боялась разоблачения, — произнёс Ли Жун. — Рекламирует ли она мусорные товары или манипулирует общественным мнением — её всегда прикроет репутация Ли Байшоу, который и так постоянно в центре внимания. Более того, она вполне может специально наводить людей на подозрения против собственного мужа.

Цэнь Сяо подцепил ложкой кусочек тофу баоцзян, обмакнул его в смесь соли и перца и поднёс к губам собеседника. Тот, погружённый в раздумья, ответил на этот жест машинально. Поскольку руки были заняты чашкой, он просто подался вперёд и послушно принял угощение, медленно пережёвывая нежный тофу.

Цзи Сяочуань, отправив в рот порцию риса с хрустящей сосиской, украдкой наблюдала за палочками Ли Жуна, к которым тот даже не притронулся.

Дождавшись, пока юноша проглотит еду, Цэнь Сяо продолжил:

— У Ли Байшоу есть изъяны, и такие люди — идеальные мишени для подставы. Ты ведь знаешь о Триаде Макдональда.

Ли Жун едва заметно улыбнулся:

— Триада убийцы. Теория из криминальной психологии.

Цзи Сяочуань замерла в замешательстве, но не решилась прервать их разговор. Заметив её недоумение, Ли Жун пояснил:

— Энурез, пиромания и жестокое обращение с животными. Макдональд считал эти три черты общими для будущих серийных убийц. Хотя современные исследования говорят, что это не совсем так, но всё же...

Он осёкся, чувствуя, что уходит слишком далеко от темы. Сейчас было не время для лекций.

Цэнь Сяо вовремя вернул беседу в нужное русло:

— Если у Ли Байшоу есть некий порок А, который общество считает неприемлемым, то когда случится неприятность Б, люди без всяких доказательств решат: человек с пороком А виновен и в Б.

Ли Жун прекрасно понимал, что главный «порок» профессора — кража результатов исследований Ли Цинли.

«Окружающие об этом не догадываются, но его супруга знает наверняка. Если однажды над тем, кого она действительно покрывает, нависнет угроза, она сможет просто разоблачить преступление мужа против Ли Цинли, сделав его козлом отпущения»

Ли Байшоу все эти годы наслаждался триумфом и вряд ли догадывается, что рано или поздно ему придётся повторить путь Ли Цинли: стать изгоем, подвергнуться публичному осуждению и быть преданным делом, которое он так любил. Он может сколько угодно твердить, что лишь хотел превзойти соперника и не желал никому зла. Ему никто не поверит. Ни его жертвования на благотворительность, ни годы преподавания, ни помощь в лабораториях, ни даже милостыня нищему — ничто не перевесит его вины.

Разумеется, всё это имело смысл лишь при условии, что Лю Таньчжи и её муж действительно лишь создавали видимость брака.

Цэнь Сяо поднёс к губам Ли Жуна соцветие брокколи, с которого ещё шёл пар. Тот уже окончательно привык к такому способу кормления и, не задумываясь, съел овощ.

Цзи Сяочуань сделала большой глоток лимонада. С момента подачи блюд она съела больше всех. Цэнь Сяо вообще не притронулся к своей тарелке, а Ли Жун... Ли Жун, хоть и не брал палочки, голодным точно не останется.

Убедившись, что брокколи съедена, Цэнь Сяо невозмутимо подцепил кусочек моркови. Она тушилась вместе с говядиной, и мясной аромат почти полностью перекрывал её собственный запах.

Протягивая ложку, Цэнь Сяо небрежно заметил:

— В конце декабря в высшем свете города А пройдёт ежегодная встреча. Руководство «Хунсо» и «Ланьшу» обязательно там будет ради сохранения видимого перемирия. Как бы Лю Таньчжи ни хотела оставаться в тени, ей придётся сопровождать мужа. Пока они ничего не заподозрили, мы можем собрать немало ценной информации.

Упоминание о светском рауте всколыхнуло в Ли Жуне старые воспоминания. Несмотря на вечную грызню между институтом «Хунсо» и Объединённой торговой палатой, всегда находились активисты, мечтавшие вернуть их к истокам былой дружбы. Ради этой великой цели посредники устраивали бесконечные мероприятия под лозунгами «обмена опытом» и «укрепления связей».

Однако все эти прекрасные мечты рассыпались в прах перед лицом реальной выгоды. Пути «Ланьшу» и «Хунсо» разошлись слишком давно, а те, кто стоял у истоков их создания, уже давно покоились в земле.

— У меня нет права там появиться, ты... тьфу!

Ли Жун, ничего не подозревая, проглотил то, что предложил Цэнь Сяо. Сначала на языке разлился вкусный мясной сок, но стоило зубам коснуться моркови, как её специфический привкус вызвал мгновенный приступ тошноты. Юноша с отвращением поморщился, схватил салфетку и, выплюнув злосчастный овощ, отправил его в урну.

Очарование воспоминаний мгновенно рассеялось. Ли Жун прополоскал рот остывшим чаем и яростно воззрился на Цэнь Сяо:

— Решил всучить мне морковь обманом? Даже не надейся!

<http://bllate.org/book/15351/1427955>